

Полина Дроздова

Hurts

Полина Викторовна Дроздова

Hurts

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28527012

SelfPub; 2017

Аннотация

Это всепоглощающее чувство ревности стало моим вторым именем, которое ты боишься называть. И никогда меня не зовешь.

Хорошо и здорово внезапно ощутить себя понимающим всю любовную лирику, подобрать беспричинному счастью человеческое имя, реагировать атомами хаотичной вечеринкой на одно единственное лицо.

Замечать за собой не свои привычки и желание казаться лучше, ведя себя кругло-идиотски, заверять себя в том, что это никому незаметно.

Чанель привык восхищаться звуками, но никак не парнем, слишком часто попадающим с ним в один корпус. И звуки уже внутри него самого, а не под пальцами между струн.

Всё доходит до точки, на которой брюнет пытается пропеть его имя с мелодией.

Он метет по сплетням, скребет по беседам, собирая отрывки, мелочь, расширяя свои познания в области «мне-так-хочется-его-знать».

Автомат с кофе, холл первого этажа, пролет на лестнице, уличное крыльцо – везде Чанель облажался в порывах зазнакомиться, везде включил зайца и тупо протоптался в стороне.

Этот парень так удачно на совместных лекциях вступает в диалоги с преподами, оставляя тех проигравшими, со всеми предметами на «ты», в каждой компании если не свой, то не лишней.

Он может кинуть через аудиторию самолётик, сказав, что это демонстрация теории Франкла, может спокойным и тихим голосом сказать в ходуном ходящем кабинете правиль-

ный ответ и быть услышанным, может повернуться к соседу, глянуть тому в глаза, взять его ручку: «ты же не против?» и начать ею писать, не встретив возражений. А потом, возвращая, услышать: «нет-нет, оставь себе, мне не нужно. В смысле, тебе она больше идет. Ну то есть... Забирай».

Все сложные мысли может привести в бытовые примеры, а простые истины завернуть в глубокую суть.

Он может сшибить с ног, неслышно пройдя мимо и даже не взглянув.

Это не Чанеля всего трясет от понимания проблемы, приключившийся и забивающей. Нет, не его.

Он смотрит в зеркало на своё перекошенное от терзаний существо и нервно дергает головой – ну не его же.

Спустя две недели у Чанеля в мыслях уже сами собой подбиаются ассоциации к понятиям «его волосы», «его глаза», «его голос».

– Да быть не может, – говорит брюнет садовому гному в своём гараже, привезенному сестрой из Штатов. Резиновый старик смотрит на него типичным американским взглядом и это очевидный и правильный ответ. Чанель ему не верит.

Когда парень на одной из лекций запрыгивает на стол с французским флагом и предлагает разыграть Ватерлоо, всё совсем плохо.

Гори оно всё огнём. Когда они сталкиваются в проёме двери, а маленькие ладони случайно ложатся ему на грудь, и за легкой улыбкой следует приятное: «Оп, авария», еще хуже.

Топись оно самым тяжелым камнем.

Когда Чанель встречает его в супермаркете и прослеживает каждый миллиметр движения, пока он покупает два йогурта с кусочками...

Возникает вероятность, что садовый гном был прав.

Как и Сэхун с параллели, который пару раз брюнета хлопал по щекам тетрадкой с фразой: «Эй, Пак, ты последнее время какой-то накуренный».

Чанель шипит на себя, сминает, рвёт и выбрасывает маленький листок-послание с одним предложением:

«Бэкхен` лучше всего звучит фа-миноре».

Его бесит эта самая убогая слабость.

А невнимательность пропускает не только видимость своего поведения, но и чужие взгляды.

Поэтому Чанель едва с ног не падает, когда Бэкхен на перерыве подходит к нему, кладет рядом рюкзак, садится подле сам. И улыбается:

– У меня от твоих наблюдений уже мурашки не сходят. Может, пора перейти на слова?

Чанель трижды ошибается в произношении имени, чем очень юношу смешит:

– Ты можешь мне хоть на руке написать, если так будет проще.

– Я просто... – черт, как сложно подбирать фразы в ключе впечатления.

– Не часто попадаюсь? – усмехается Бэкхен и для начала

достаёт из кармана черную шоколадку.

Пак не ошибается. Ни в уверенности, что найдено «то самое то», ни в своих бурях, штормах и торнадо, ни в коэффициенте сложности этого человека, вполне соответствующем его паразитальности.

У них общего как между Аляской с Африкой, но это неким образом совершенно им не мешает.

Заполнить друг другу диалоги ночами, цепляться словами за разное повседневное, это обсуждать, приводить к форме активных бесед с затянутыми прощаниями. Бэкхен берется его подкармливать булочками с малиной по четвергам, а Чанель моментально палится с гитарой за плечами.

Это действует ровно до «о, я когда-то тоже играл» и просьбы:

– Будешь организовывать мне live концерты в самые паршивые дни?

– В любые, – отвечает Чанель, – и в те, что не самые, и в те, что не паршивые. Если захочешь.

Они сходятся на странно совпавших дорогах, пошагово. Чанелю на всём пути страшно, и колотит временами (опять-не-его). Только не переделать:

Бэкхен ему нравится промокшим в дождь и грозы,

Бэкхен ему нравится палимым под солнцем,

Бэкхен ему нравится желтым в фонарном свете,

Бэкхен ему нравится...

Можно не продолжать.

Он не может понять, какого масштаба персону спас в прошлой жизни, что обнаруживает себя рядом с ним, идущим по коридору колледжа бок о бок. Тому летит десятки «привет» и столько же взглядов в спину – Чанель точно знает.

И внутри распускается, набухает от понимания, что он его увидел ждущим на улице утром с самым первым «доброе».

Чанель кусает язык на тех моментах, где они не сходятся, а за многими поворотами сам бьет себя мыслью «Нужно было сказать не так!».

– Я себя чувствую рядом с ним дегенератом, – признается он гному, а ответ ему тот же.

Проникаясь такими людьми, начинаешь казаться себе до жути простым.

Пускается новая волна ассоциаций еще на «его легкие касания как бы случайно», «его запах в моих пределах», «его профиль в свете моих ламп в гараже». Чанель ни разу не видел, чтобы кто-то еще настолько удачно вписывался в его личное.

Понятия вскоре приобретают другие масштабы.

Всё становится слишком уже понятным всем, кроме их прямых слов, когда каждая фраза, мысль, движение летит в определенную сторону, когда они начинают именами друг друга сходу называть других людей, привычки со вкусами выучены, настроение разгадывается в глазах, а нужда – в поведении.

В том итог, что исчерпаны все несмелые метафоры. Чанель не верит самому себе и чувствует себя канатоходцем над лавой. Он давно потерял из виду свою крышу, так что...

Бэкхен это тот, кто привык добиваться конца.

Он выпал на прохладный вечер под липой с большими стаканами колы и в газетных колпаках после дневной уборки аудиторий («убираться тоже надо правильно» возглавлял старший группу, обнимая хворост из шваб – Мне всё время кажется, – говорил тогда Чанель, опустив голову, – что моя музыка играет только твои мелодии.

А Бэкхен ему с ходу и плеча:

– Мы можем выстроить все «я», «к тебе» и «наше» в одну простую прямую?

Рубикон оказывается глубоким и страшным. Во всяком случае, Чанеля в тот вечер неслабо трясет.

Он мог бы всё своё «мои характеристики терпят мутацию в начало на I, я теперь весь из live love laugh, твои чувства моя зависимость, твои слова мои скальпели и кресты» сыграть на гитаре или продышать в телефон, но не сказать, глядя открыто в теплые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.